

Человек и общество

рецензия Кирилла Викторовича Рычкова на статью «Традиционные ценности против идеологии»

Примечание редакции: мы получили первую рецензию на статью «Традиционные ценности против идеологии» от Кирилла Викторовича Рычкова — члена КПРФ, генерального директора Информационного агентства «Аврора» и нашего доброго друга. Благодарим Кирилла Викторовича за искренний и содержательный вклад в обсуждение этой важной темы, а также за то, что его позиция позволила ярко проявить логику мышления устроителя «гражданской религии». Материал публикуется с разрешения автора.

Не смог пройти мимо свежего яркого образца так называемой «духовной публицистики», а именно статьи координатора Консорциума АН2 (Онтосеть) Александра Андрианова «Традиционные ценности против идеологии», с которой настоятельно рекомендую ознакомиться всех подписчиков аналитического альманаха «Перископ». Явление это само по себе любопытное. Автор с видимым вдохновением описывает некую катастрофу: человека оставили одного, мир расколдован, ценности утрачены, кругом постмодерн и трансгуманизм. Читатель должен проникнуться ужасом и тоской.

Но если отвлечься от эмоционального накала и посмотреть на ситуацию трезво, с точки зрения обычной социальной логики, картина предстаёт несколько иной.

Главный тезис, вокруг которого строится всё повествование, гласит: общество есть живой организм, подобный дубу или, скажем, человеку. У него есть некие корни, называемые традиционными ценностями, которые нельзя трогать, ибо организм умрёт. Метафора красавая, но с научной точки зрения совершенно никчёмная. Организм рождается, растёт и умирает по биологическим законам, которые не зависят от его желания. Общество же живёт по законам социальным. И законы эти люди придумывают сами, хотя и не всегда отдают себе в этом отчёт. Дуб не может собрать собрание и решить поменять свою корневую систему, потому что ему так удобнее. А люди могут. И постоянно это делают. Вся история человечества — это сплошная смена «корневых систем». Вчера считалось ценностью многобожие и человеческие жертвоприношения, сегодня — нечто иное. Что же это за организм такой, который каждые несколько веков меняет свои «жизненно важные органы»?

Скорее уж это похоже на конструктор, который собирают то так, то этак, в зависимости от того, какая задача стоит перед сборщиками. Здесь самое время задаться простым вопросом: а откуда, собственно, берутся эти задачи? Почему в одну эпоху люди начинают массово сомневаться в святости того, во что их предки верили тысячу лет? Ответ на самом деле лежит на поверхности, хотя его тщательно избегают в благочестивых рассуждениях о вечном. Меняется способ добывания хлеба наущного. Пока крестьянин пашет сохой и молится, чтобы дождь пошёл вовремя, ему выгодно верить, что миром управляет кто-то на небесах. Это придаёт сил и объясняет, почему одному урожай, а другому неурожай. Но как только появляется завод и фабрика, где всё зависит от станков и умения рабочих, небесное управление становится как-то не очень актуальным. Тут нужны другие качества: точность, дисциплина, умение читать инструкции. А значит, и ценности начинают потихоньку подтягиваться под новые потребности. Так что то, что называют «духовными скрепами», на самом деле чаще всего является просто полезными привычками, которые сложились в определённых хозяйственных условиях. Когда условия меняются, привычки либо отмирают, либо их приходится менять насилием, что обычно и называют кризисом духовности.

Далее нам пытаются внушить мысль о том, что есть ценности «подлинные», выстраданные народом, и есть идеологии «искусственные», навязанные злыми инженерами. Звучит благородно. Но если присмотреться к этим «подлинным» ценностям внимательнее, обнаруживаются занятные вещи. Та самая большая патриархальная семья, которую нам предлагают считать основой основ, в реальной истории была институтом весьма прагматичным. Она нужна была для того, чтобы было кому обрабатывать надел и передавать по наследству амбар с добром. А чтобы этот механизм работал без сбоев, сверху его прикрыли красивым идеологическим фантиком: «так Богу угодно», «так предки завещали». То есть ценность эта с самого начала была сконструирована под вполне конкретные хозяйственные задачи. И конструировали её, кстати, вовсе не «предки» как единый народ, а те, кому это было выгодно — главы семейств, старейшины, жрецы. Те, кто получал власть и возможность распоряжаться общим добром. Называть это «органическим ростом» — значит проявлять изрядную долю наивности или, напротив, лукавства.

Особый сарказм вызывает панический страх перед социальной инженерией. Нас пытаются убедить, что переделывать человека нельзя, что это насилие и гордыня. Но позвольте спросить: а чем, собственно, занимаются родители, воспитывая ребёнка? Они же не просто кормят его и одевают. Они вдабливают в него правила поведения, запрещают одно, поощряют другое, наказывают за третье. Это и есть самая что ни на есть инженерия. Чем

занимается церковь, когда читает проповедь? Она моделирует сознание паствы в нужном направлении. Чем занимается школа? Она штампует маленьких человечков по стандартной программе. Чем занимается начальник на заводе, внедряя систему штрафов и премий? Он формирует у рабочих нужное ему поведение. Вся жизнь человека пронизана процессами социального моделирования с пелёнок до могилы. И вдруг нам говорят: «А давайте не будем ничего проектировать, пусть всё растёт само, как в лесу».

Необходимо понять простую вещь. Социальная инженерия неизбежна. Вопрос только в том, кто ею занимается и в чью пользу. Если этим занимается владелец фабрики, он будет формировать у рабочих такие ценности, чтобы они работали больше, получали меньше и не бунтовали. Это называется «воспитание трудолюбия» и «уважение к частной собственности». Если этим занимается церковь, она будет формировать ценности, приучающие человека к смирению и надежде на загробное вознаграждение. Это называется «духовное окормление». А если этим пытаются заниматься люди, которые хотят построить общество без эксплуататоров и эксплуатируемых, это сразу объявляется страшным насилием над человеческой природой. Забавная избирательность.

Идея «нового человека» высмеивается как нечто чудовищное и несбыточное. Но человек, которого нам предлагают в качестве идеала — верующий, целомудренный, патриотичный, почитающий старших — это разве не проект нового (вернее, хорошо забытого старого) человека? Его тоже нужно воспитать, выдрессировать, вложить в него соответствующие программы. Разница лишь в том, что один проект предусматривает создание человека, способного самостоятельно мыслить и менять мир, а другой — человека, послушно вписанного в старую иерархию и не задающего лишних вопросов. И почему-то второй проект объявляется «естественным», а первый — «насилием над природой». Хотя с точки зрения обычной логики, оба проекта одинаково искусственны. Просто один обслуживает интересы тех, кто сидит наверху пирамиды, а второй — тех, кто внизу и хочет эту пирамиду перестроить.

Что касается призыва «вернуться к Отцу» и обрести утраченную связь с вечностью, то здесь социальный анализ даёт совсем не поэтический результат. «Возвращение к Отцу» в массовом масштабе обычно означает одно: люди устали от сложности мира, от необходимости принимать решения, от ответственности за свою жизнь. Им хочется сдать себя в аренду кому-то сильному и мудрому, кто снимет с них этот тяжкий груз свободы. Это понятное, но, прямо скажем, не самое героическое желание. Социальная практика показывает, что такие «возвращения» обычно заканчиваются тем, что вместо Отца находится целая толпа шустрых товарищей, которые быстро объясняют заблудшим, в чём именно заключается их

сыновья обязанность и кому теперь принадлежит наследство. Причём эти товарищи почему-то всегда оказываются ближайшими родственниками, то есть людьми, которые лучше всех знают волю Отца и имеют законное право ею распоряжаться.

Здесь уместно вспомнить старую истину: идеи, овладевающие массами, становятся материальной силой. Но чтобы идея овладела массами, она должна выражать их реальные, а не выдуманные кем-то потребности. Если человек голоден, он будет слушать того, кто обещает ему хлеб. Если человека унижают на работе, он пойдёт за тем, кто обещает ему достоинство. Если люди боятся завтрашнего дня, они ухватятся за любого, кто пообещает стабильность. И никакие проповеди о вечных ценностях не помогут, если в желудке пусто, а дети болеют от недоедания. Поэтому разговоры о духовности, которые никак не связаны с вопросом о справедливом распределении благ, — это просто сотрясение воздуха, а чаще — сознательное отвлечение внимания от насущных проблем.

В сухом остатке мы имеем следующее. Нам предлагают выбор между плохой, искусственной идеологией и хорошими, естественными традиционными ценностями. Но при ближайшем рассмотрении «естественные ценности» оказываются точно такой же идеологией, только старой модели, выработанной для обслуживания давно устаревшего способа жизни. Разница между ними примерно как между лаптем и кроссовком. Лапоть, конечно, органичнее, он из лыка сплётён, нога в нём дышит. Но далеко ли в нём убежишь? И главное — зачем? Чтобы доказать, что ты верен заветам предков, которые тоже в лаптях ходили, потому что других вариантов у них просто не было? Кроссовок, конечно, сделан на заводе из синтетических материалов, он «искусственный». Зато в нём можно пробежать марафон. И выбор тут, если честно, очевиден для любого здравомыслящего человека, который собирается двигаться, а не стоять на месте.

Социальный прогресс, в отличие от биологической эволюции, тем и хорош, что человек может выбирать, в какой обуви ему идти. И даже может придумать такую обувь, какой раньше вообще не существовало. Называть это «грехопадением» и «утратой связи» — значит просто не понимать, как устроено общество, или сознательно уводить разговор в сторону от реальных проблем. Потому что реальная проблема заключается вовсе не в том, что люди забыли заветы предков. А в том, что устроены они по-прежнему так, что одни купаются в роскоши, а другие еле сводят концы с концами. И пока это так, любые разговоры о вечных ценностях будут вызывать у этих других законное раздражение. Потому что для голодного самая главная ценность — кусок хлеба, а для униженного — справедливость. И никакой «возврат к Отцу» этого не изменит. Разве что этот Отец

наконец-то наведёт порядок в своём доме и перестанет допускать, чтобы одни его дети обедались, а другие голодали. Но что-то подсказывает, что такой вариант в программу «возвращения» не входит

Генеральный директор ИА “Аврора”

Рычков Кирилл Викторович